Э(С)1
П266

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. вы

ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ РУССКІЕ.

„Книжка за книжкой“, кн. 57-ая.

9(c) 12

„КНИЖКА ЗА КНИЖКОЙ".

(Цѣны означены безъ пересылки).

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разсмотрѣны и допущены *въ безплатныя народныя читальни и въ учительскія библіотеки* низшихъ школъ **всѣ книжки 1, 2 и 3 серіи, кромѣ кн. 10, 23, 26, 31, 32, 65 и 90.**

Сверхъ того, книжки, означенныя знакомъ :, допущены и **въ ученическія библіотеки низшихъ школъ.**

СЕРІЯ ПЕРВАЯ (кн. 1—80). Цѣна всей серіи 11 р.

I. Повѣсти, разсказы, драматическія произведенія.

: 1. **Маминъ, Д. Н.** *Вольный человѣкъ.* 5 к.
2. **Маминъ, Д. Н.** *Кормилецъ.* 7 к.
: 3. **Маминъ, Д. Н.** *Въ ученьи.* 10 к.
: 4. **Станюковичъ, К. М.** *Куцый.* 10 к.
5. **Савихинъ, В. И.** *Аника-воинъ.* 15 к.
6. **Прусъ, Б.** *Михайло-простота.* 7 к.
7. **Оржешко, Э.** *Юліанка.* 10 к.
: 8. **Оржешко, Э.** *Ходатай.* 12 к.
: 9. **Оржешко, Э.** *Въ зимній вечеръ.* 8 к.
10. **Сенкевичъ, Г.** *Побѣдитель.* 10 к.
11. **Сенкевичъ, Г.** *За моремъ.* 7 к.
: 12. **Зандъ, Ж.** *Маленькая колдунья.* 10 к.
13. **Мериме, Пр.** *Черный царь.* 8 к.
: 14. **Сентинъ.** *Малютка.* 15 к.
: 15. **Лоти, П.** *Рыбаки.* 10 к.
16. **Іенсенъ.** *Королева шведская.* 10 к.
: 17. **Уйда.** *Барчукъ.* 8 к.
: 18. **Уайтъ.** *По совѣсти.* 10 к.
: 19. **Ауэрбахъ.** *Какъ громоотводъ ставили.* 8 к.
20. **Лаффранъ.** *Жизнь за ласку.* 10 к.
: 21. **Бьернсонъ.** *Славный парень.* 10 к.
: 22. **Диккенсъ.** *Три дня.* 10 к.
23. **Круммахеръ.** *20 притчъ.* 10 к.
: 24. *Услуга за услугу.* 10 к.
: 25. *Гибель „Медузы".* 12 к.
26. *Изо дня въ день.* 8 к.
27. *Судья передъ судомъ.* 7 к.
: 28—29. *Добрый смѣхъ—не грѣхъ.* Два сбор. шутлив. разсказ. По 25 к. Оба 50 к.
: 30. *Пройдоха.* Шутка для народн. театра. 15 к.
: 61. **Мольеръ.** *Скупой.* Комедія (въ приспособленіи для народнаго театра). 20 к.
: 62. **Ауэрбахъ, Б.** *Сирота.* 15 к.
63. **Оржешко, Э.** *Романиха.* 10 к.
64. **Оржешко, Э.** *Тяжкій грѣхъ.* 10 к.

II. Поясненія къ образцовымъ произведеніямъ.

31. **П. Д.** *Пословицы, притчи и басни.* 10к.
32. *Пятьдесятъ басенъ Крылова* Съ пространными объясненіями. 30 к.
: 33. *Отецъ и сынъ.* 10 к.
: 34. *Поздній даръ.* (Къ сказанію „Отецъ и Сынъ"). 10 к.
65. *Раздумье.* Нѣсколько стихотвореній съ поясненіями. 5 к.

III. Естествознаніе и техника.

: 35. **Слѣпцова, М.** *Муравей-чудодѣй.* 10 к.
: 36. **Слѣпцова, М.** *Вымирающіе богатыри.* 15 к.
: 37. **Слѣпцова, М.** *Обезьяны.* 15 к.
: 38. **Слѣпцова, М.** *Пауки.* 20 к.
: 39. **Слѣпцова, М.** *И въ червѣ толкъ.* 8 к.
: 40. **Слѣпцова, М.** *Изъ-за перьевъ.* 5 к.
: 41. **Слѣпцова, М.** *Дерево здоровья.* 10 к.
: 42. **Слѣпцова, М.** *Жилища птицъ.* 60 к
: 43. **Слѣпцова, М.** *Дерево и лѣсъ.* 15 к.

9(с)
П-266

ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ РУССКІЕ.

(По Нестору — лѣтописцу).

149348

I.

Что было въ нашей землѣ, когда еще и Руси не было.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ сходятся губерніи Новгородская и Тверская, на полудорогѣ отъ Москвы къ Петербургу, есть невысокія горы—*Валдайскія.*

Съ этихъ Валдайскихъ горъ текутъ во всѣ стороны большія русскія рѣки:

Течетъ Волга на востокъ, потомъ заворачиваетъ на полдень—къ морю *Каспійскому.*

Междубиблиотечный аб...
Московской обл. библи...ки

Течетъ Днѣпръ, прямо на полдень — къ морю *Черному*.

Течетъ Двина на западъ — къ морю *Балтійскому*.

На полночь, *къ тому-же Балтійскому* морю путь отъ Валдайской возвышенности лежитъ по рѣкѣ Ловати.

Течетъ Ловать въ Ильмень-озеро; изъ Ильмень-озера въ озеро Ладожское протекаетъ рѣка Волховъ; а изъ Ладожскаго озера въ Балтійское море — рѣка Нева (на которой теперь Петербургъ стоитъ).

Днѣпръ, Двина, Ловать, Волга — вытекаютъ такъ близко одна отъ другой, что съ верховьевъ одной на верховье другой перетащить «волокомъ», переволочить лодку... не легко, да и не Богъ вѣсть какъ трудно.

*

Въ стародавнее время, когда еще и русскаго государства не было, тому назадъ лѣтъ тысячу съ небольшимъ, по всему теченію Днѣпра, по притокамъ его, на Ильмень-озерѣ — жили разныя *племена славянскія*, жили врознь, *каждое само по себѣ*, каждое по своему.

Жили именно:

У ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРА—

славяне **Ильменскіе**. Въ ихъ землѣ лежалъ *Новгородъ*. Потому ихъ нерѣдко зовутъ также славянами „Новгородскими“. На югѣ (на полдень) отъ нихъ,

ВЪ ВЕРХОВЬЯХЪ ДНѢПРА—

Кривичи. Въ Кривской землѣ, по-сѣвернѣе, стоялъ городъ *Изборскъ*, а по-южнѣе, на Днѣпрѣ—*Смоленскъ*.

Далѣе по рѣкѣ Днѣпру жили:

На *правомъ* берегу — „Въдеревахъ“(вълѣсахъ) **Древляне**. Былъ у нихъ городъ *Искоростень*.

„Въ поляхъ“ (въ степяхъ) **Поляне**. Былъ у нихъ городъ *Кіевъ*.

На *лѣвомъ* берегу— **Радимичи**; къ востоку же отъ нихъ (по Окѣ)—**Вятичи**.

Сѣверяне. Въ землѣ ихъ (землѣ сѣверской) лежали города: *Любечъ* (на Днѣпрѣ) и *Черниговъ* подаль отъ Днѣпра).

Какъ видите, къ *славянамъ* ильменскимъ на полдень примыкали *славяне*-же—Кривичи. За то со всѣхъ другихъ сторонъ ильменскихъ славянъ облегали племена *финскія*: **Чудь**, **Меря**, **Весь** [1]).

Къ полянамъ, сѣверянамъ, вятичамъ прилегало въ тѣ времена на полдень и востокъ царство *Хазарское*.

---

[1]) На двухъ слѣдующихъ страницахъ найдете табличку и карту (планъ), по которымъ можете точнѣе приглядѣться къ разселенію этихъ племенъ. На той же картѣ найдете имена всѣхъ городовъ и народовъ, которые будутъ упомянуты далѣе въ разсказахъ о первыхъ князьяхъ русскихъ.

И такъ—передъ тѣмъ, какъ основалось русское государство, близъ Ильмень-озера и по Днѣпру финскія и славянскія племена разселены были приблизительно такъ:

А—по точнѣе—приглядитесь на картѣ (планѣ):

ВАРЯГИ.
МОРЕ БАЛТІЙСКОЕ (ВАРЯЖСКОЕ)
Море Бѣлое
Ф-И-Н-С-К-І-Я
П-Л-Е-М-Е-Н-А
оз. Ладожское
оз. Онежское
СЛАВЯНЕ
ИЛЬМЕНСКІЕ.
Псковъ
Новгородъ
Изборскъ
Бѣлоозеро
Весь
Меря
р. Западная Двина
Полоцкъ
Смоленскъ
р. Ока
ВЯТИЧИ.
РАДИМИЧИ.
ДРЕВЛЯНЕ
Любечъ
СѢВЕРЯНЕ
Кіевъ
ПОЛЯНЕ
р. Донъ
ХАЗАРЫ
р. Волга
ПЕЧЕНѢГИ (до 915 г.)
р. Днѣпръ
ПЕЧЕ-НѢГИ (послѣ 915 г.)
Доростолъ
Корсунь
Тмутаракань
КАСОГИ
ЯСЫ
ЧЕРНОЕ (РУССКОЕ) МОРЕ
МОРЕ КАСПІЙСКОЕ (Хвалынское)
ЦАРЬГРАДЪ
ГРЕЧЕСКАЯ ИМПЕРІЯ

Хазары—народъ племени турецкаго. Царя хазарскаго величали «каганъ». Былъ онъ вѣры іудейской, и многіе хазары держались вѣроученія іудейскаго, *однако не тьснили и другія вѣроисповѣданія*. Жило въ землѣ хазарской множество магометанъ [2]); жили и язычники, и христіане.

Разъ какъ-то магометане разрушили церковь христіанскую. И строго наказалъ ихъ за это каганъ. Въ землю хазарскую приходили проповѣдники ученія Христова; каганъ самъ не крестился, но никому не запрещалъ креститься.

Каганъ всегда содержалъ двѣнадцать тысячъ воиновъ. Умретъ—бывало—воинъ, на мѣсто его сейчасъ берутъ другого.

Каганъ держался очень гордо, недоступно. Съ нимъ бесѣдовать могли только намѣстникъ его и очень немногіе, самые знатные сановники. Да и тѣ входили къ кагану съ благоговѣніемъ, не иначе какъ босикомъ.

Народу каганъ показывался только разъ въ четыре мѣсяца, верхомъ. За нимъ въ почтительномъ, большомъ отдаленіи шло войско. Народъ падалъ ницъ и поднималъ голову только, когда каганъ, бывало, проѣдетъ.

---

[2]) Магометане или мусульмане—послѣдователи вѣроученія араба *Магомета*. Вѣроученія этого держатся арабы, турки, персы, наши татары и др. Магометъ жилъ лѣтъ 600 послѣ Іисуса Христа.

Остальное время каганъ проводилъ во дворцѣ со множествомъ женъ своихъ.

При такой жизни каганъ, конечно, и править царствомъ не могъ. Настоящимъ повелителемъ былъ намѣстникъ его. Намѣстникъ же обыкновенно начальствовалъ надъ войскомъ.

Войско хазарское не смѣло и думать о бѣгствѣ передъ непріятелемъ. Каждый воинъ,—даже военачальники, даже намѣстникъ—за бѣгство съ поля битвы подлежалъ казни, иногда казни жестокой; виновнаго разсѣкали надвое и вѣшали разсѣченнаго на крестѣ или на деревѣ. Женъ, дѣтей, имущество, оружіе его раздавали по людямъ... Впрочемъ, иногда каганъ и миловалъ — опредѣлялъ виновныхъ къ себѣ въ конюхи.

Кагану полагалось править не болѣе сорока лѣтъ. Черезъ сорокъ лѣтъ правленія кагана убивали, «дабы онъ не могъ ослабѣть умомъ и духомъ».

Но какъ бы ни умеръ повелитель, для похоронъ его строили гробницу — дворецъ въ двадцать покоевъ. Въ каждомъ покоѣ рыли по могилѣ, и насыпали дно ея камнями и негашеною известью. Подъ домъ проводили протокъ рѣчной... Схоронивъ кагана въ одной изъ могилъ, всѣмъ бывшимъ при погребеніи отсѣкали головы, дабы не могъ узнать никто, гдѣ схороненъ покойный владыка.

Никто не смѣлъ проѣхать мимо такой гробницы верхомъ. Онъ долженъ былъ сойти съ коня, по-

клониться гробницѣ, и далѣе итти пѣшкомъ, пока гробница не скроется изъ глазъ его.

*

Въ народныхъ пѣсняхъ о бываломъ («былинахъ») вспоминается — какъ богатырямъ русскимъ приходилось отстаивать землю русскую отъ «Жидовина». Въ этомъ «Жидовинѣ», конечно, вспоминается народъ хазарскій съ его каганомъ іудейской вѣры. Какъ о немъ не вспоминать: нерѣдко тревожилъ онъ русскую землю!

«Жидовина» пѣсня изображаетъ страшнымъ великаномъ. Ископыть (яма, выбитая копытомъ) коня его «съ полъ-печи»...

Проѣхалъ Жидовинъ заставу богатырскую, что стояла передъ Кіевомъ. На заставѣ «атаманомъ» поставленъ былъ славный богатырь Илья Муромецъ— крестьянскій сынъ. Проѣзжалъ Жидовинъ, насмѣялся надъ богатырями. Этого ему простить нельзя. Выбираютъ богатыри кому ѣхать — сразиться съ Жидовиномъ. Выбрали Ваську Долгополаго, изъ приказнаго рода. Говоритъ Илья-Муромецъ:

—„Не ладно, ребятушки, положили:
У Васьки полы долгія.
По землѣ ходитъ Васька заплетается.
На бою-на дракѣ заплетется,
Погибнетъ Васька по-напрасному“.

Выбрали Гришку — сына боярскаго. Опять не одобряетъ Илья.

—„Не ладно, ребятушки, удумали:
Гришка роду боярскаго.
Боярскіе роды хвастливые;
На бою-дракѣ призахвастается,
Погибнетъ Гришка по-напрасному“.

Думаютъ: «Пошлемъ Алешу-Поповича!» А Илья свое:

—„Не ладно, ребятушки, положили:
Алешинька роду поповскаго:
Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
Много золота, серебра,—
Злату Алеша позавидуетъ,
Погибнетъ Алеша по напрасному“.

Наконецъ, падаетъ выборъ на Добрыню Никитича. Добрыня—роду княжескаго. Выѣхалъ въ поле, посмотрѣлъ въ трубочку серебряную... Вызвалъ Жидовина на бой.

Бросился на него Жидовинъ...

Мать-сыра земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
А конь подъ Добрынею на колѣна палъ!

Взмолился Добрыня Богородицѣ и... убѣжалъ.
Пришлось выѣзжать самому Ильѣ,—

Некѣмъ ему замѣнитися!

Выѣхалъ въ поле Илья, вмѣсто трубки, посмотрѣлъ въ свой «молодецкій кулакъ», вызвалъ жидовина на бой.

Долго борются противники, одинъ другого одолѣть не могутъ. Вдругъ у Ильи «лѣвая ноженка

ускользнулася»... Онъ упалъ Жидовинъ—на него!.. Хочетъ пороть ему бѣлую грудь...

Вспоминаетъ Илья:

—„Написано было у святыхъ отцовъ.
Удумано было у апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому...“

И—«втрое у него силы прибыло!»

Придала Ильѣ силы увѣренность, что ему «не положено» умереть въ бою... Пособрался онъ, понатужился, вскинулъ Жидовина на воздухъ, потомъ отрубилъ ему голову, вздѣлъ ее на копье свое булатное, ѣдетъ къ заставѣ...

Встрѣчаютъ атамана богатыри. Сбросилъ онъ голову съ копья, приговариваетъ:

—„Ѣздилъ я въ полѣ тридцать лѣтъ,
Экаго чуда не наѣзживалъ!“

*

Сосѣднія миролюбивыя племена славянскія—полянъ, сѣверянъ, вятичей, даже радимичей — хазары обложили данью. Разсказываютъ, будто сѣверяне, вятичи, радимичи платили по бѣличьей шкуркѣ съ дыма (съ дома); поляне же «по мечу» съ дыма.

Когда впервые привезли эти мечи отъ полянъ въ землю хазарскую, они «мудрецамъ» хазарскимъ не понравились:

— «Быть намъ самимъ данниками полянъ»— рѣшили они: — «Заострены ихъ мечи съ двухъ сторонъ, а наши сабли—только съ одной стороны»!

*

За моремъ Балтійскимъ жили въ тѣ времена храбрые витязи—*варяги*. Оттого и самое Балтійское море нерѣдко называлось моремъ *Варяжскимъ*.

Отправлялись варяги на крѣпкихъ ладьяхъ грабить и воевать не только сосѣднія, но и дальнія земли [1]). Ходили они и въ имперію *Греческую* (звали ее также имперіей «*Византійской*»). Лежала эта имперія тамъ, гдѣ нынѣ Турція—за Чернымъ моремъ. Главнымъ городомъ грековъ былъ славный *Царьградъ* или *Константинополь*—нынѣ (съ 1453 года) столица султана турецкаго.

*

Какъ же пробирались варяги къ Царьграду? Какъ плыли они изъ Балтійскаго моря въ Черное?

Лежалъ ихъ путь — какъ сами видите — черезъ земли финскія, славянскія. Плыли варяги по Двинѣ; потомъ волокли свои лодки къ Днѣпру; по Днѣпру спускались въ Черное Море.

Или-же—плыли по Невѣ, Ладожскому озеру, Волхову, по Ильмень-озеру, Ловати; и опять-таки волокли лодки къ Днѣпру, спускались въ Черное море Днѣпромъ.

Этотъ путь и назывался встарь «*великимъ путемъ варяговъ въ Грецію*»; даже просто—*великимъ греческимъ путемъ*».

*

---

[1]) О варягахъ подробно разсказано въ книжкѣ нашего изданія „*Витязи Сьвера*“.

Ѣздили варяги землями финскими, славянскими, и, конечно, попутно брали съ нихъ что могли. Около 859-го года начали было варяги собирать даже постоянную дань съ финскихъ племенъ чуди. мери, веси, и со славянъ ильменскихъ, да и со славянъ-кривичей, что жили поближе къ славянамъ ильменскимъ.

Года черезъ три, въ 862 году, удалось, однако, данникамъ изгнать отъ себя варяговъ...

Но объ этомъ и о дальнѣйшей судьбѣ славянъ ильменскихъ и приднѣпровскихъ пусть разскажетъ намъ инокъ Несторъ—первый лѣтописецъ русскій [1]).

II.

Несторъ-лѣтописецъ.

Несторъ—инокъ кіевскаго Печерскаго монастыря. Родился въ 1056 году, 17-ти лѣтъ поселился въ монастырѣ. Умеръ около 1114 года.

Онъ собралъ какъ могъ, какъ умѣлъ, разсказы о томъ, какъ жили предки наши—славяне встарину, до основанія «*Русскаго государства*», какъ основалось это государство, какъ протекли первыя 248 лѣтъ его жизни (отъ 862-го до 1110-го года).

---

[1]) Лѣтописецъ — ведущій запись о прошлыхъ „лѣтахъ“, т.-е. о прошлыхъ годахъ,—о быломъ. Какъ велись встарину такія „лѣтописи“ см. книжку нашего изданія „*Записи о быломъ*“.

Назвалъ онъ свою запись объ этихъ годахъ свою «*лѣтопись*» такъ:

«Повѣствованія о прошлыхъ годахъ: откуда пошла Русская земля, кто первый началъ княжить въ Кіевѣ и какъ Русская земля установилась [1]).

О первыхъ ста восемнадцати годахъ—о княженіи первыхъ князей русскихъ до князя Владимира (812—980 г.) до насъ только и дошло то, что записалъ Несторъ. Есть еще о нихъ записи у лѣтописцевъ греческихъ. По этимъ греческимъ записямъ можно *кое-что* провѣрить въ разсказахъ Нестора, но прибавить къ его разсказамъ можно очень немногое.

Несторъ же о первыхъ князьяхъ записалъ, повидимому, больше *сказанія народныя*—сказанія, что дошли до него, передаваясь изъ устъ въ уста, отъ отца къ сыну, къ внуку. Въ этихъ сказаніяхъ къ правдѣ нерѣдко примѣшивается вымыселъ... Но болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній у насъ мало. Къ тому же разсказы Нестора такъ занимательны, просты... Будемъ держаться ихъ. Дадимъ вольный переводъ ихъ съ небольшими сокращеніями, а, гдѣ нужно, прибавимъ и кое-какія поясненія, дополненія.

---

[1]) У Нестора, на старомъ русскомъ языкѣ, такъ: *Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуда Русская земля стала есть».*

Переводить собираемся разсказъ Нестора потому, что старинный русскій языкъ, которымъ писалъ Несторъ, мало понятенъ; да не легко было бы читать и очень точный переводъ. Судите сами:

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ НЕСТОРА.

В се же лѣто рекоша дружина Игореви: „Отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы“.

И послуша ихъ Игорь, иде в дерева въ дань, и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ, и мужи его. Возъемавъдань, поиде в градъ свой.

Идущуже ему въспять, размысливъ, рече дружинѣ своей: „Идѣте съ данью домови, а я возвращюся, похожю и еще“.

Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, жѣлая больша имѣнья.

ТОЧНЫЙ ПЕРЕВОДЪ:

Въ этотъ годъ дружина сказала Игорю: „Отроки Свѣнельда облеклись въ оружіе и ткани, а мы наги. Иди, князь, съ нами по дань, чтобы и ты добылъ себѣ, и мы“.

И послушалъ ихъ Игорь, пошелъ въ лѣса (къ древлянамъ) за данью, и промыслилъ первую дань. Насиловали древлянъ и онъ, и мужи его. Взявъ дань, пошелъ князь въ городъ свой.

Идя обратно, подумавъ, сказалъ онъ дружинѣ своей: „Идите съ данью домой, а я возвращусь, похожу еще“.

Отпустилъ дружину домой, съ малою же частью дружины возвратился, желая большаго богатства.

*

Лѣтопись Несторъ ведетъ погодно. Годы онъ считаетъ, конечно, по старинному: «*отъ сотворенія міра*». Такъ считаются года и до сихъ поръ въ нашихъ церковныхъ книгахъ. Мы же теперь въ общежитіи считаемъ года «отъ рожденія Іисуса Христа» или—какъ говорится—«*отъ Рождества Христова*».

По счисленію нашей церкви Іисусъ Христосъ родился на 5508-мъ году отъ сотворенія міра. Нашъ 1904 годъ по Р. Х. [1]), значитъ, будетъ 7412 отъ сотворенія міра (5508+1904=7412).

Мы будемъ, однако, считать, какъ привыкли, то-есть отъ «Рождества Христова».

III.

Начало «русскаго» государства. Первый государь русскій.

Годъ 859. Варяги изъ за моря обложили данью чудь, мерю, весь, славянъ ильменскихъ и кривичей (см. карту; страницы 4 и 5).

Однако, въ *862-мъ году* данники прогнали варяговъ за море, не дали имъ дани, и стали управляться сами. Но правды между ними не было, родъ воз-

---

1) «По Р. Х,»—значитъ «по Рождествѣ Христовѣ». Такъ принято писать въ сокращеніи. «До Р. Х.»—означаетъ «до Рождества Христова». Такое написаніе встрѣчается очень часто. Замѣтьте его.

сталъ на родъ, произошли распри, усобицы. И стали говорить другъ другу:

— Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по правдѣ.

И пошли за море къ варягамъ, къ варяжскому племени *руси*. Такъ звалось одно изъ племенъ варяжскихъ—«русь». Племена варяжскія назывались различно: одно—«свеи», другое—«англы», третье—«готы»; а это—«русь».

И вотъ чудь, ильменскіе славяне, кривичи сказали руси:

— Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Идите княжить и владѣть нами.

Три брата—Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ—взяли съ собою родичей и все племя русское и пришли. Старшій, Рюрикъ, сѣлъ княжить-государствовать въ Новгородѣ, второй, Синеусъ—въ Бѣлоозерѣ (у веси), третій Труворъ—въ Изборскѣ (у кривичей) [1]). Отъ этихъ-то варяговъ земля, что признала власть ихъ, и прозвалась «*русской*».

Два года спустя умерли и Синеусъ, и Труворъ. Тогда Рюрикъ принялъ всю власть въ свои руки. Сталъ онъ всюду сажать правителями своихъ людей.

*

Были между людьми, между «мужами» Рюрика

1) Кривичи не всѣ участвовали въ призваніи руси, а только тѣ, что жили по сосѣдству со славянами ильменскими. Такъ кривичи, которые жили близъ Смоленска, подъ властью Рюрика не были. Они покорились только позже князю Олегу (см. дальше, стр. 18).

двое—не родственники ему, а знатные варяги—Аскольдъ да Диръ. Они отпросились у Рюрика итти съ близкими своими на Царьградъ.

Плывутъ по Днѣпру, видятъ на горѣ городокъ. Спросили:

— Чей это городокъ?

Отвѣчали имъ:

— Кіевъ. Жили три брата—Кій, Щекъ, Хоривъ. Они выстроили городокъ, да потомъ погибли. А мы поселились въ немъ и платимъ дань хазарамъ.

Аскольдъ и Диръ остались въ городѣ Кія — въ Кіевѣ, собрали вокругъ себя много варяговъ и стали владѣть землею полянъ.

А Рюрикъ продолжалъ княжить въ Новгородѣ.

879 годъ. Умеръ Рюрикъ и передалъ княженіе Олегу, родственнику своему. Ему же поручилъ онъ сына своего, Игоря, который былъ еще очень малъ.

149348

IV.

Князь Олегъ [1]).

882 годъ. Собралъ Олегъ множество воиновъ: варяговъ, чудь, мерю, весь, новгородцевъ, кривичей, что были подвластны Рюрику, и пошелъ сначала

---

[1]) Объ Олегѣ см. также книжку нашего изданія «*Сказанія о вѣщемъ князѣ Олегѣ*». Изъ князей, живших до Владимира, объ одномъ Олегѣ сохранилась память въ народныхъ пѣсняхъ о бываломъ („былинахъ"). Поэтому-то мы и рѣшились посвятить ему отдѣльную книжку. Здѣсь держимся строго разсказа Нестора.

Центральный библиотечный абонемент Московской обл. библиотеки

ан кривичей смоленскихъ. Взялъ Смоленскъ, посадилъ своихъ правителей.

Потомъ двинулся дальше внизъ по Днѣпру, въ землю сѣверянъ, взялъ Любечъ. И тутъ посадилъ своихъ правителей.

Подплылъ Олегъ къ горамъ кіевскимъ. Услыхалъ, что въ Кіевѣ княжатъ Аскольдъ и Диръ. Оставилъ онъ часть лодокъ позади, а съ другими двинулся къ Кіеву. Захватилъ съ собою и младенца Игоря.

Подплывая къ Кіеву, Олегъ спряталъ воиновъ въ лодкахъ и послалъ сказать Аскольду съ Диромъ:

— Мы купцы варяжскіе, идемъ въ Грецію отъ Олега и княжича Игоря. Не придете ли повидать земляковъ?

Пришли Аскольдъ и Диръ. Тутъ воины Олеговы всѣ выскочили изъ лодокъ...

— Вы не князья, и не княжескаго рода. А я рода княжескаго!—закричалъ Олегъ Аскольду и Диру.

Вынесли Игоря...

— А вотъ и сынъ Рюриковъ!—прибавилъ Олегъ.

Убили Аскольда и Дира, понесли тѣла ихъ на гору и погребли на горѣ.

Сѣлъ Олегъ княжить въ Кіевѣ.

— Да будетъ Кіевъ матерью городовъ русскихъ— рѣшилъ онъ.

Сталъ Олегъ устраивать «русское государство»: строилъ города, установилъ дани...

883 годъ. Въ этомъ году «примучилъ» Олегъ и древлянъ; обложилъ ихъ данью по черной куницѣ съ дома [1]).

884 годъ. Пошелъ на сѣверянъ, побѣдилъ ихъ [2]), и обложилъ легкой данью. Притомъ не велѣлъ больше платить дани хазарамъ.

— Я врагъ хазарамъ, а не вамъ—сказалъ онъ сѣверянамъ.

885 годъ. А въ слѣдующемъ году послалъ и къ радимичамъ запросъ:

— Кому вы дань даете?

— Хазарамъ—отвѣчали они.

И сказалъ Олегъ:

— Не давайте хазарамъ, мнѣ давайте.

И стали давать Олегу по мелкой монетѣ съ сохи, какъ прежде давали хазарамъ.

Такъ присоединилъ Олегъ къ землѣ русской: кривичей смоленскихъ, полянъ, древлянъ, сѣверянъ, радимичей.

902 годъ. Игорь достигъ совершеннаго возраста,

---

[1]) Въ тѣ времена главное богатство славянъ составляли мѣха, кожи, воскъ. „По куницѣ"—дань тяжелая. Куній мѣхъ считался дорогимъ.

[2]) По пути въ Кіевъ захватилъ Олегъ только сѣверскій городъ Любечъ, быть-можетъ съ округой; теперь же—всю землю сѣверскую, которая до него платила дань хазарамъ.

однако всюду слѣдовалъ за Олегомъ и слушался его. Въ 902 году Игорь женился на псковитянкѣ Ольгѣ [1]).

903—906 г. Оставилъ Олегъ Игоря въ Кіевѣ, самъ же пошелъ на Грецію со множествомъ воиновъ [2]). Въ войскѣ его были и варяги, и славяне, и фины.

Съ этимъ огромнымъ ополченіемъ двинулся онъ на коняхъ и на корабляхъ—сушею и водою. Однихъ кораблей было двѣ тысячи. Подошелъ къ Царьграду. Греки загородили гавань (Царьградъ—городъ приморскій), городъ затворили.

Вышелъ Олегъ съ воинами на берегъ и сталъ воевать окрестности. Много воины его разрушили палатъ, пожгли церквей; людей однихъ забирали въ плѣнъ, другихъ убивали, мучили, кидали въ море...

«Натворили много зла, какъ всегда при войнѣ»—замѣчаетъ Несторъ.

Потомъ велѣлъ Олегъ своимъ воинамъ надѣлать колесъ, поставилъ корабли на колеса. Поднялся попутный вѣтеръ, вздулъ паруса и... покатились корабли къ городу!

Увидали это греки, испугались, послали къ Олегу сказать:

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ разсказахъ о жизни Ольги прибавляютъ, что она была дочерью незнатнаго, простого варяга; будто Игорь увидалъ ее при охотѣ, плѣнился ея красотой и женился на ней.

[2]) Весь разсказъ объ этомъ походѣ очень напоминаетъ народныя сказанія—„былины“. Въ немъ такъ и слышится преувеличеніе. Правда несомнѣнная: *„былъ походъ, походъ удачный“*; все остальное—вымыселъ пересказчиковъ, а можетъ быть взято изъ пѣсенъ—„былинъ“ того времени.

— Не губи города, дадимъ дани сколько хочешь.

Остановилъ воиновъ Олегъ. Греки послали ему съѣстныхъ припасовъ, вина. Но не принялъ даровъ ихъ Олегъ, опасаясь—не отравлены ли они?

Греки совсѣмъ перепугались...

— Да это не Олегъ!—говорили они. — Это св. Димитрія послалъ на насъ Господь!

Велѣлъ грекамъ Олегъ принести дани на 2000 кораблей, по 12 гривенъ на человѣка, считая по 40 человѣкъ въ кораблѣ.

Принесли все это греки и стали просить мира, чтобы не воевалъ Олегъ греческой земли.

Отошелъ немного Олегъ отъ города и сталъ рядиться о мирѣ. Порядились. Кромѣ помянутой дани, дали греки еще не мало «на города» Олеговы, т. е. для раздачи въ городахъ, подвластныхъ Олегу: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Любечѣ и другихъ. Выговорилъ Олегъ и еще разныя льготы русскимъ... Затѣмъ утвердили миръ клятвою.

Царь греческій цѣловалъ крестъ. Олегъ же и воины его клялись по русскому закону того времени: своимъ оружіемъ и главными богами своими: громовержцемъ Перуномъ, и «скотьимъ богомъ»—Велесомъ [1]).

---

[1]) Варяги и славяне въ войскѣ Олега были язычники. Можно догадываться, что въ немъ были уже и христіане, но ихъ во всякомъ случаѣ было еще не много. Главнымъ богомъ славянъ-язычниковъ считался Перунъ—громовержецъ, богъ огня. Почитали они еще и бога-покровителя стадъ—Велеса или Волоса. О божествахъ славянъ см. нашу книжку *„Св. Владиміръ и крещеніе Руси“*.

Затѣмъ велѣлъ еще Олегъ сшить для варяговъ паруса «паволочитые» [1]), а для славянъ—паруса «полотняные». И паруса принесли греки.

Тогда Олегъ въ знакъ побѣды, прибилъ свой щитъ къ воротамъ Царьграда и двинулся въ обратный путь. Подняли Русь—паруса паволочитые, славяне—паруса полотняные... Окрѣпъ вѣтеръ, и разодралъ нарядные паруса. И сказали славяне «Не по насъ паруса полотняные, возьмемся лучше опять за свои—холщевые!»

Вернулся Олегъ къ Кіеву съ золотомъ, тканями, привезъ припасовъ, вина, всякаго узорочья (драгоцѣнностей).

Стали звать его люди «вѣщимъ»—колдуномъ... «Потому что еще невѣжественны были люди»—прибавляетъ Несторъ.

Уже восемьсотъ лѣтъ тому назадъ понималъ онъ, что вѣровать въ вѣдьмъ, въ вѣдуновъ, въ колдовство могутъ только люди темные [2]).

911 г. Послалъ затѣмъ Олегъ въ Царьградъ довѣренныхъ мужей заключить съ греками *письменный договоръ* о прочномъ мирѣ — договоръ, конечно, выгодный для русскихъ.

Договоръ этотъ у Нестора приведенъ цѣликомъ. Начинается онъ такъ:

---

[1]) Изъ *паволоки*. Паволока—дорогая ткань.

[2]) Какъ о походѣ Олега въ Грецію вспоминаютъ народныя сказанія, какъ сильна была вѣра въ то, что Олегъ—колдунъ, см. въ книжкѣ *„Сказанія о вѣщемъ Олегѣ“*.

«Первымъ словомъ, умиримся съ вами, греки! Да любимъ другъ друга отъ всей души. Не дадимъ мы никому изъ подвластныхъ свѣтлыхъ князй нашихъ обижать васъ, но потщимся, сколько можемъ, всегда и непреложно наблюдать дружбу къ вамъ. Также и вы, греки, да храните всегда незыблему любовь къ свѣтлымъ князьямъ русскимъ и ко всѣмъ, стоящимъ подъ рукою свѣтлаго Олега!..»

Затѣмъ говорится какъ судить-рядить въ случаяхъ, когда по торговымъ или инымъ дѣламъ случится раздоръ, споръ между грекомъ и подданнымъ Олега; какъ поступать съ греческой ладьей, когда ее выкинетъ на русскій берегъ; какъ поступать съ наслѣдствомъ грека, умершаго въ русскомъ городѣ, или русскаго, умершаго въ городѣ греческомъ и т. д..

Есть въ договорѣ и такая статья:

«Если при покупкѣ невольниковъ окажутся въ Греціи невольники-русскіе, или же въ Руси — невольники-греки, невольниковъ этихъ освобождать, взявъ только заплаченную за нихъ цѣну»...

Въ тѣ времена невольниками торговали. Почти всѣ плѣнные, захваченные на войнѣ, продавались въ неволю.

Подписали договоръ, и его скрѣпили клятвою. Опять греки клялись крестомъ, варяги—оружіемъ.

*

Когда Несторъ разсказываетъ, какъ мужи Олеговы рядились о мирѣ подъ стѣнами Царьграда (въ 906 году), когда говоритъ о мужахъ Олеговыхъ, отправленныхъ для переговоровъ (въ 911 году), онъ называетъ «мужей» этихъ по именамъ: «Карлъ, Ингельдъ, Фарлафъ, Веремудъ, Рулавъ» и т. д. Все это—имена варяжскія, не славянскія. Ясно—первые князья окружали себя варягами, довѣряли варягамъ... Славянъ они вообще не ставили на одну ногу съ русью: «Руси паруса паволочитые, славянамъ—полотняные»... Въ дружину княжескую, въ ближніе люди къ князьямъ русскимъ славяне стали попадать позже... А тамъ «русь», конечно, *вовсе слилась со славянами во едино*. Руси было немного, славянъ—цѣлыя племена. Русь лѣтъ въ полтораста затерялась среди славянъ, какъ теряются воды ручья, вливаясь въ море. Оставила намъ «русь» только имя свое.

*

Передъ тѣмъ, какъ отпускать пословъ Олеговыхъ, императоръ греческій приказалъ показать имъ золоченыя свои палаты и накопленныя въ нихъ богатства, а паче всего—красоту церквей царьградскихъ и святыни (дабы поучить ихъ въ вѣрѣ христіанской), и затѣмъ отпустилъ съ честью великою.

Возвратились послы къ Олегу и повѣдали, какъ велось дѣло, какъ установили договоръ, какъ обѣщали клятвою не преступать договора.

И сталъ Олегъ жить мирно въ Кіевѣ.

*

Пришла осень... И вспомнилъ Олегъ о конѣ своемъ, котораго когда-то поставилъ на покой, и не велѣлъ сѣдлать себѣ, потому что на вопросъ его волхвамъ и кудесникамъ:

— Отъ чего предстоитъ мнѣ умереть?

Одинъ кудесникъ отвѣчалъ:

— Умрешь ты, князь, отъ коня, котораго любишь, и на которомъ ѣздишь.

Олегъ подумалъ и сказалъ:

— Не сяду же на него никогда, видѣть его больше не стану!

Велѣлъ онъ коня кормить, холить, а къ себѣ не водить. Было это еще до похода Олега въ Грецію. Такъ и не видалъ онъ коня своего нѣсколько лѣтъ: ходилъ въ Царьградъ, вернулся, еще прожилъ въ Кіевѣ четыре года... наконецъ, на пятый, вспомнилъ о конѣ. Позвалъ старшаго конюха:

— Гдѣ конь, котораго я велѣлъ поставить на покой, кормить, блюсти?

— Умеръ—отвѣчалъ конюхъ.

Посмѣялся Олегъ и съ укоромъ промолвилъ:

— Врутъ-же кудесники! Конь умеръ, а я живъ!

— Хочу видѣть кости его!—прибавилъ онъ.

Поѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали кости, слѣзъ съ сѣдла, ступилъ на голову коня...

— Отъ этого лба, что-ли, смерти мнѣ ждать!— посмѣялся онъ...

Но изъ конской головы выползла змѣя... ужалила князя... Олегъ разболѣлся и умеръ [1]).

V.

Князь Игорь.

913 г. Началъ послѣ Олега княжить Игорь. Древляне, по смерти Олега «затворились» отъ Игоря (то есть — вѣроятно — не пустили къ себѣ мужей его за данью).

914 г. Пошелъ Игорь на древлянъ и побѣдилъ.

915 г. Пришли впервые *печенѣги* на русскую землю и установили миръ съ Игоремъ.

Въ началѣ Руси сосѣдями ея на востокѣ были хазары. Позже *изъ-за Волги* стали приходить на Русь многіе полудикіе народы, и много зла причинили они Россіи. Таковы *печенѣги*, позже *половцы*, а затѣмъ *татары*.

Печенѣги были кочевники, свирѣпые съ виду. „Не зная земледѣлія, обитая въ шатрахъ, кибиткахъ, печенѣги искали тучныхъ луговъ для стадъ;

---

[1]) См. объ этомъ въ „*Сказаніяхъ о князѣ Олегѣ*“. Разсказавъ этотъ случай, котораго, по всѣмъ вѣроятіямъ, *вовсе и не было* (тотъ-же случай разсказывается о многихъ лицахъ), Несторъ пускается въ разсужденіе: „Почему иногда сбываются предсказанія чародѣевъ?“ Онъ готовъ видѣть въ этомъ—дѣло бѣсовское. Добродушный лѣтописецъ забылъ, что нѣсколько строкъ передъ тѣмъ (да и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи) самъ называетъ вѣру въ „волхвованіе и колдовство“—*невѣжествомъ*, да еще и *грѣховнымъ для христіанина*.

искали богатыхъ сосѣдей для грабительствъ, славились быстротою коней своихъ. Вооруженные копьями, лукомъ, стрѣлами, мгновенно окружали они непріятеля и мгновенно скрывались отъ глазъ его; бросались на лошадяхъ въ самыя глубокія рѣки или, вмѣсто лодокъ, употребляли большія кожи..." Они поселились въ низовьяхъ Днѣпра по берегу Чернаго моря.

916—920 г. Игорь воевалъ съ печенѣгами.

941 г. Пошелъ Игорь на грековъ. Болгары [1]) послали вѣсть къ царю греческому о томъ, что идетъ русь на Царьградъ въ десяти тысячахъ лодокъ. А полчища Игоревы между тѣмъ пришли-приплыли въ земли греческія; хватали жителей, однихъ посѣкали мечами, другихъ ставили цѣлью и стрѣляли въ нихъ стрѣлами, третьихъ забирали въ плѣнъ; инымъ связывали руки и вбивали желѣзные гвозди въ голову; много святыхъ церквей предали огню, много пожгли монастырей и селъ, и не мало имущества забрали съ собою.

Но потомъ подошли войска греческія, произошла злая битва. Греки одолѣли. Къ вечеру воины Игоревы бросились въ лодки и бѣжали.

Но и тутъ еще встрѣтили ихъ лодки греческія съ огнемъ. Стали греки пускать трубами огонь на Игоревы лодки... Глядѣть было страшно. Видя пламя, воины Игоря кидались въ море, думая уйти...

---

[1]) Болгары жили въ то время на полночь отъ имперіи греческой, по Дунаю-рѣкѣ (впадаетъ эта рѣка въ Черное море. См. карту на страницѣ 5-й).

Только остатки ихъ возвратились во свояси, и каждый разсказывалъ своимъ объ огнѣ съ лодокъ:

— У грековъ словно молнія небесная; пускаютъ ее и жгутъ насъ. Потому и не одолѣли мы ихъ.

Объ этомъ *„греческомъ огнѣ“* въ разныхъ запискахъ того времени поминается часто. Какъ греки пускали его по водѣ—неизвѣстно.

Вернулся Игорь, послалъ за море звать варяговъ, чтобы съ ними снова итти на грековъ.

944 г. Собралъ Игорь еще разъ множество воиновъ: варяговъ, славянъ, печенѣговъ... и снова двинулся на грековъ моремъ и сухимъ путемъ. Хотѣлъ онъ отомстить за себя.

Услыхали о томъ жители Корсуня-города, послали къ греческому царю, Роману, сказать: «Идетъ русь безъ числа, корабли ея море покрыли». Послали вѣсть къ царю и болгары: «Идутъ русскіе; наняли къ себѣ и печенѣговъ».

Услыхалъ это царь, послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ:

— Не ходи, — говоритъ — возьми день, какую бралъ Олегъ. Я еще и прибавлю.

Послалъ онъ и печенѣгамъ много паволокъ (тканей) и золота.

Игорь созвалъ дружину на совѣтъ и повѣдалъ ей посланіе царево. Дружина сказала Игорю:

— Если такъ говоритъ царь, чего же намъ больше! Получимъ безъ боя и золота, и серебра, и

тканей. Еще какъ знать—кто одолѣетъ въ битвѣ: мы-ли, они-ли? И съ моремъ кто уговаривался! По глубинѣ морской плыть—не по землѣ ходить!

Послушался ихъ Игорь, взялъ золота и паволокъ у грековъ на всѣхъ воиновъ своихъ, и возвратился обратно къ себѣ въ Кіевъ.

945 г. Прислалъ затѣмъ Романъ пословъ къ Игорю уладить прочный миръ... Переговорилъ съ ними Игорь и отправилъ своихъ мужей къ Роману. Романъ созвалъ бояръ и сановниковъ. Вели они переговоры съ русскими послами, и все, на чемъ согласились, записали... [1]).

Потомъ прибыли послы Игоревы съ послами греческими въ Кіевъ и повѣдали Игорю всѣ рѣчи императора Романа. Призвалъ Игорь греческихъ пословъ и спросилъ:

— Скажите же, что приказалъ вамъ царь?

Отвѣчали послы:

— Послалъ насъ царь сказать, что миру радъ. Онъ хочетъ жить съ княземъ русскимъ въ мирѣ и и любви. Твоихъ пословъ нашъ царь приводилъ къ присягѣ самъ, а насъ послалъ принять присягу отъ тебя и мужей твоихъ.

Обѣщалъ имъ Игорь сдѣлать какъ желаетъ царь. Призвалъ на другое утро пословъ. Пришли на холмъ,

---

[1]) Тутъ весь договоръ Игоря съ греками вписанъ Несторомъ въ лѣтопись, такъ же, какъ, подъ 911 годомъ, вписанъ былъ договоръ грековъ съ Олегомъ.

гдѣ стоялъ идолъ Перуна (см. стр. 21). Игорь, а съ нимъ и всѣ люди его — язычники, положили передъ идоломъ оружіе, щиты, золото, и клялись соблюдать миръ съ греками. Христіанъ же приводили къ присягѣ въ церкви св. Иліи.

Это извѣстіе очень важно. Оно указываетъ, что уже во времена Игоря на Руси не только были христіане, но были уже и церкви христіанскія. Въ самомъ договорѣ встрѣчаемъ такія слова: «Да не дерзаемъ русскіе — *крещеные* и некрещеные — нарушать союзъ съ греками; иначе первыхъ (т.-е. крещеныхъ) *да осудитъ Богъ Вседержитель* на гибель вѣчную и временную, а вторые (некрещеные) да не имутъ помощи отъ бога Перуна, да не защитятся своими щитами... да будутъ рабами въ сей вѣкъ и будущій!»

Кромѣ того въ числѣ пословъ Игоревыхъ встрѣчаемъ уже, на ряду со многими именами варяжскими, два-три имени славянскихъ.

Утвердилъ Игорь миръ съ греками, и отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ мѣхами, рабами и воскомъ.

945 г. Пришла осень, и сталъ замышлять Игорь походъ на древлянъ. Хотѣлось ему взять съ нихъ дань побольше. А тутъ стала говорить ему и дружина:

— Отроки Свѣнельда богаты оружіемъ и платьемъ, а мы наги. Поди, князь, съ нами за данью, чтобы досталась добыча и тебѣ, и намъ.

Свѣнельдъ—воевода Игоревъ. Князья кіевскіе обыкновенно сами съ дружиной объѣзжали области свои съ ноября по апрѣль, собирая дань. Но иногда, повидимому, поручали это дѣло довѣреннымъ людямъ. Вѣроятно, Свѣнельдъ ходилъ со своими „отроками“ (отборными воинами) за такою данью. Собрали они дань князю, обогатились и сами. Потому дружина княжеская завидовала имъ.

Послушалъ дружину Игорь, пошелъ за данью къ древлянамъ. Промыслилъ первую дань. Не забыли себя и дружинники его. Пошли уже было въ обратный путь... Да надумался Игорь, говоритъ дружинѣ:

— Идите съ данью домой, а я похожу еще.

Отпустилъ большую часть дружины. Только съ небольшою долею ея возвратился онъ къ древлянамъ, желая получить съ нихъ больше.

Услыхали древляне, что онъ опять идетъ, разсудили съ княземъ своимъ, Маломъ:

— Повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, если его не убить. Такъ и тутъ: если Игоря не убьемъ, онъ всѣхъ насъ погубитъ.

Послали къ Игорю, говорятъ:

— Зачѣмъ опять идешь? Вѣдь дань ты уже собралъ всю.

Не послушалъ ихъ Игорь. И, выйдя изъ города Искоростеня, древляне убили Игоря и перебили дружинниковъ его. Ихъ было мало.

И погребенъ былъ Игорь. Могила его находи-

лась у Искоростеня, въ землѣ древлянской, еще и лѣтъ полтораста спустя, при Несторѣ.

VI.

Княгиня-правительница Ольга.

Супруга Игорева—Ольга проживала тѣмъ временемъ въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ — ребенкомъ Святославомъ и съ дядькою его, Асмудомъ. Былъ при нихъ и Свѣнельдъ-воевода.

Собрались на совѣтъ древляне и стали говорить:

— Вотъ мы князя русскаго убили. Возьмемъ жену его, Ольгу, за нашего князя Мала. Возьмемъ съ нею и княжича Святослава; будетъ онъ у насъ въ рукахъ.

И послали къ Ольгѣ лучшихъ людей своихъ, числомъ двадцать.

Подъѣхали послы къ Кіеву на большой ладьѣ. Доложили о нихъ Ольгѣ. Зоветъ ихъ Ольга къ себѣ:

— Пришли, добрые гости?

— Пришли, княгиня.

— Скажите, чего ради пришли?

Отвѣчаютъ древляне:

— Послала насъ земля древлянская сказать: Мужа мы твоего убили, такъ какъ мужъ твой, что волкъ, хитилъ и грабилъ; а наши князья добры—

истинные пастыри землѣ древлянской. Поди за нашего князя Мала.

Сказала имъ Ольга:

— Люба мнѣ рѣчь ваша. Мужа мнѣ не воскресить!.. Пойду за князя вашего: И завтра же хочу почтить васъ передъ людьми своими. Идите въ ладью свою и лягте въ ней съ важностью. Пошлю за вами поутру, а вы говорите: «На коняхъ не поѣдемъ, пѣшими не пойдемъ, несите насъ въ ладьѣ»! И понесутъ васъ въ ладьѣ.

Такъ и отпустила она ихъ къ ладьѣ, а сама приказала на дворѣ теремномъ, за городомъ, выкопать большую, глубокую яму.

На другой день сидитъ Ольга въ теремѣ и шлетъ за гостями.

Пришли къ нимъ люди и говорятъ:

— Зоветъ васъ Ольга на честь великую.

А они:

— Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ, и пѣшими не идемъ; несите насъ въ ладьѣ!

Отвѣчаютъ кіевляне:

— Мы люди подневольные. Князь нашъ убитъ, княгиня собирается за вашего князя...

И понесли ихъ въ ладьѣ. Сидятъ древляне, кичатся!.. Принесли ихъ на Ольгинъ дворъ, и бросили въ яму съ ладьею. А Ольга наклонилась къ нимъ и говоритъ:

— Довольны-ли почетомъ?

Отвѣчаютъ они:

— Пуще Игоревой—смерть наша! [1])

Приказала Ольга засыпать ихъ живыми. И засыпали.

*

Послала затѣмъ Ольга къ древлянамъ сказать:

— Если вправду меня призываете, пришлите пословъ болѣе важныхъ, чтобы я къ князю вашему прибыла съ великимъ почетомъ. Иначе не отпустятъ меня кіевляне.

Услыхали это древляне, избрали лучшихъ мужей изъ правителей земли древлянской, и послали ихъ за княгиней.

Когда прибыли древляне, приказала Ольга, по обычаю, истопить для нихъ баню.

Вошли въ баню древляне, стали мыться. А ихъ въ банѣ заперли. Велѣла Ольга зажечь баню. Тамъ и сгорѣли послы.

*

А Ольга опять шлетъ къ древлянамъ, велитъ сказать:

— Вотъ иду къ вамъ. Готовьте меды въ городѣ, гдѣ убили мужа. Поплачу надъ могилой его и справлю тризну по немъ... А тамъ уже могу выйти и за Мала.

---

[1]) Есть разсказъ, будто древляне нагнули два дерева, привязали Игоря лѣвою ногою за одно, правою—за другое, и затѣмъ деревья отпустили. Такъ и погибъ Игорь въ ужасныхъ мукахъ.

Навезли древляне припасовъ множество и стали меды варить.

Пришла Ольга съ небольшой дружиной на могилу Игоря, плакала по немъ, велѣла людямъ своимъ насыпать высокій курганъ.

Насыпали, начали тризну. Сѣли пить и древляне. Ольга приказала отрокамъ своимъ служить имъ.

Спрашиваютъ древляне у Ольги:

— А гдѣ же люди наши, которыхъ мы за тобою послали?

— Идутъ за мной, съ дружиной мужа моего— отвѣчаетъ княгиня.

Когда древляне упились, приказала Ольга и своимъ отрокамъ выпить, а затѣмъ отошла въ сторону и велѣла рубить древлянъ. Изрубили ихъ пять тысячъ.

А Ольга возвратилась въ Кіевъ и стала собирать воиновъ для похода на остальныхъ древлянъ.

*

946 г. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собрала много храбрыхъ воиновъ и пошла на землю древлянскую. Сошлись оба воинства — русское и древлянское. Святославъ бросилъ копье въ древлянъ. Пролетѣло копье между ушей коня, и ударилось въ землю у самыхъ ногъ коня... такъ какъ Святославъ былъ еще ребенкомъ.

— Князь началъ! Впередъ, дружина, за княземъ!—воскликнули Свѣнельдъ и Асмудъ.

И побѣдили древлянъ. Побѣжали древляне, затворились въ своихъ городахъ.

Ольга же устремилась съ сыномъ на городъ Искоростень, такъ какъ именно жители Искоростеня убили мужа ея.

Стала она съ сыномъ у города, а древляне затворились въ немъ, и бились крѣпко за стѣнами его. Знали они, что убили князя, и что ждетъ ихъ отъ княгини жестокая месть!

*

Простояла Ольга подъ Искоростенемъ лѣто, взять его не могла, и замыслила хитрое дѣло. Послала въ городъ сказать:

— До чего хотите вы досидѣть? Всѣ города сдались мнѣ и взялись платить дань. И вотъ они спокойно работаютъ на поляхъ и земляхъ своихъ... Или вы рѣшились известись голодомъ, лишь бы не платить дани?

Древляне сказали:

— Рады бы и мы дань платить, но ты станешь мстить за мужа.

Отвѣчала Ольга:

— Отмстила я уже за мужа разъ, и другой людямъ, что приходили ко мнѣ въ Кіевъ; отмстила и въ третій разъ, когда поминала мужа тризною. Довольно мнѣ мести; удовольствуюсь небольшою данью, помирюсь съ вами и пойду прочь.

Спросили древляне:

— Чего же хочешь? Охотно дадимъ и меду, и шкуръ.

Она же сказала:

— Теперь нѣтъ у васъ ни меду, ни шкуръ. Возьму съ васъ немного: дайте отъ двора по три голубя да по три воробья. Не хочу облагать васъ тяжкою данью, какъ облагалъ мужъ. Къ тому же знаю, что вы изнемогли въ осадѣ, оттого не многаго и требую.

Обрадовались древляне. Собрали отъ двора по три голубя да по три воробья и послали ихъ къ Ольгѣ съ поклономъ.

— Разъ вы покорились мнѣ и сыну моему, идите же въ городъ съ миромъ! Завтра отступлю и пойду обратно къ себѣ—говоритъ Ольга посланнымъ.

Весело возвратились древляне домой и повѣдали людямъ, что слышали. Обрадовались всѣ въ Искоростенѣ.

Ольга же роздала воинамъ своимъ каждому по голубю или воробью, и повелѣла ко всякой птицѣ привязать ниткою сѣры, обернутой въ небольшую тряпицу; а когда смерклось, приказала зажечь сѣру и пустить голубей и воробьевъ. Голуби и воробьи полетѣли въ гнѣзда свои: голуби — въ голубятни, воробьи—подъ стрѣхи. И загорѣлись гдѣ голубятни, гдѣ клѣти, гдѣ чердаки, гдѣ жилье. Не было двора гдѣ бы не горѣло; нельзя было гасить, потому что вездѣ горѣло.

Побѣжали люди изъ города, а Ольга велѣла воинамъ хватать ихъ.

Такъ взяла она и сожгла Искоростень. Старѣйшинъ взяла въ плѣнъ, остальныхъ же горожанъ кого велѣла убить, кого отдала въ рабство людямъ своимъ... Прочихъ же заставила платить дань. И возложила дань тяжкую.

Затѣмъ объѣхала Ольга съ сыномъ и съ дружиною всю землю древлянскую; вездѣ установила свои порядки и оброки, и вернулась въ Кіевъ.

947 г. Потомъ ѣздила Ольга въ Новгородъ и окрестныя съ нимъ земли... Ѣздили и по Днѣпру, и по Деснѣ...[1]) По всему государству русскому строила она становища для людей своихъ, отбирала земли подъ свои охоты, вводила свои порядки, установляла оброки...

Все устроила, возвратилась въ Кіевъ къ сыну своему. Жила она съ сыномъ въ дружбѣ.

Такъ прошло мирно нѣсколько лѣтъ.

*

Ольга рѣшилась просвѣтиться ученіемъ евангельскимъ и принять св. крещеніе.

Въ *955-мъ году* отправилась она къ грекамъ и прибыла въ Царьградъ. Правилъ тамъ царь Константинъ [2]).

---

[1]) Рѣка Десна впадаетъ въ Днѣпръ. На ней стоитъ городъ *Черниговъ*.

[2]) Императоръ Константинъ самъ оставилъ описаніе пріема, который сдѣланъ былъ княгинѣ въ Царьградѣ.

Бесѣдовалъ царь съ княгинею и дивился разуму ея. Видя красоту, умъ ея, Константинъ сказалъ:

— Достойна ты царствовать въ Царьградѣ съ нами!

Она поняла его, и отвѣчала:

— Я язычница. А если хочешь крестить меня, крести самъ; иначе не крещусь.

И крестили ее царь съ патріархомъ. Просвѣтясь, она радовалась... Патріархъ поучалъ ее вѣрѣ:

— Благословенна ты среди русскихъ, потому что возлюбила свѣтъ и оставила тьму! Благословятъ тебя сыны русскіе изъ рода въ родъ!—прибавилъ онъ.

И наставлялъ ее въ церковномъ уставѣ, въ молитвѣ, въ постѣ, училъ творить милостыню... Она же, преклонивъ главу, стояла и впивала въ себя его поученія, какъ губка впиваетъ въ себя воду. Потомъ поклонилась патріарху со словами:

— Молитвами твоими, владыко, да сохранена буду отъ сѣтей вражіихъ.

Нарекли ей въ крещеніи имя *Елена*.

Благословилъ ее патріархъ и отпустилъ.

Послѣ крещенія позвалъ ее царь, и говоритъ:

— Хочу взять тебя себѣ въ жены.

Она же отвѣчала:

— Какъ же ты хочешь жениться на мнѣ, если самъ крестилъ меня и назвалъ своею дочерью? Самъ знаешь—на то нѣтъ закона у христіанъ.

— Перехитрила ты меня, Ольга!—сказалъ царь.

И одарилъ ее богато: золотомъ, серебромъ, тканями, и отпустилъ, и назвалъ дочерью своею.

Однако Ольга, повидимому, осталась не вполнѣ довольна пріемомъ грековъ. Императоры греческіе держались вообще очень гордо. Константинъ принялъ княгиню въ Царьградѣ съ почетомъ, но впустилъ ее въ Царьградъ, кажется, не сразу. Онъ долго продержалъ ее въ гавани царьградской—Судѣ. Это видно изъ слѣдующаго разсказа Нестора:

«Возвратилась Ольга въ Кіевъ. Прислалъ къ ней царь греческій напомнить:

— Я много дарилъ тебѣ; ты же говорила: «Вотъ возвращусь на Русь, и тебѣ пришлю даровъ много: и рабовъ, и воску, и мѣховъ, и воиновъ на помощь».

Ольга велѣла посламъ сказать царю:

— Когда постоитъ у меня на Почайнѣ [1]) столько же, сколько я стояла въ Судѣ, тогда все получитъ!

Съ этимъ пословъ и отпустила.

Разсказъ о сватовствѣ Константина — вымыселъ. Княгинѣ Ольгѣ, когда она посѣтила Царь-градъ, было 64 года. Трудно плѣнять красотой въ эти годы! Кромѣ того императоръ Константинъ былъ въ то время уже женатъ.

Впрочемъ, во всемъ разсказѣ Нестора о княгинѣ-правительницѣ Ольгѣ, несомнѣнно, очень много вымышленнаго. Несторъ, надо полагать, писалъ о ней

1) *Почайна*—небольшая рѣчка подъ Кіевомъ. «Постоишь на Почайнѣ» значитъ: «Постоишь передъ Кіевомъ».

что слышалъ въ народныхъ сказаніяхъ, пѣсняхъ, а въ сказаніяхъ, пѣсняхъ всегда вымысла много. Разсказъ о сожженіи города птицами, къ хвостамъ которыхъ привязали горящія вещества, повторяется и у другихъ народовъ, о другихъ лицахъ. Достовѣрно въ разсказѣ объ Ольгѣ только, что она правила за малолѣтствомъ сына; что она заботилась о томъ, какъ бы закрѣпить власть князя надъ покоренными землями, какъ бы ввести въ нихъ свое управленіе. Достовѣрно также, что она была женщина умная, что „мудрость“ ея — какъ и всегда во времена полу-дикія, у народовъ непросвѣщенныхъ—проявлялась нерѣдко въ хитрости, въ умѣніи обмануть. Достовѣрно и то, что подъ старость Ольга приняла христіанство и крестилась въ Царьградѣ.

*

Жила Ольга съ сыномъ Святославомъ и призывала его къ крещенію. Но онъ пренебрегалъ словами матери, не слушалъ ея. Впрочемъ, не мѣшалъ креститься никому, никого не обижалъ за переходъ въ христіанство.

Ольга часто говаривала:

— Сынъ, я познала Бога и радуюсь. Познаешь Его ты, и тоже возрадуешься.

Онъ же отвѣчалъ:—Какъ приму новый законъ одинъ? Дружина моя смѣяться будетъ!

Ольга увѣщевала: — Если ты крестишься, за тобою крестятся и другіе.

Но онъ не слушался матери, держался обычаевъ языческихъ.

VII.

Князь Святославъ.

956—964 г. Выросъ, возмужалъ князь Святославъ, собралъ большое, храброе воинство и легкій, словно барсъ, воевалъ много [1]). Но въ походахъ обозовъ за собою не возилъ, не бралъ даже котла, мяса не варилъ, а нарѣжетъ — бывало — тонкими ломтями конины или другого мяса, испечетъ его на угляхъ, и ѣстъ. И шатра онъ не имѣлъ, а подложитъ въ головы войлокъ подсѣдельный, сѣдло—и заснетъ! Каковъ былъ князь—такова была и вся его дружина.

Не нападалъ Святославъ ни на кого врасплохъ, а посылалъ впередъ сказать врагамъ: «Иду на васъ!»

Пошелъ онъ сначала на Оку и Волгу... Прежде всего къ вятичамъ.

— Кому дань даете?—спросилъ онъ у вятичей (см. карту на стр. 5).

— Хазарамъ—отвѣчали они.

965 г. И двинулся Святославъ на хазаръ. Вышелъ противъ него самъ каганъ [2]). Бились, бились... Одолѣлъ Святославъ!

---

1) Барсъ—хищное животное, съ виду похожее на огромную кошку (какъ и тигръ, леопардъ, пантера). Онъ силенъ, смѣлъ, его движенія быстры, ловки, онъ страшенъ врагамъ. Потому лѣтописецъ и сравниваетъ Святослава съ барсомъ.

1) «Каганъ»—такъ величали царя хазарскаго (см. стр. 6)

Прошелъ онъ всю землю хазарскую, по Дону, къ нынѣшнему Кавказу. Тамъ покорилъ и кавказскія племена: Ясовъ, Косоговъ (см. карту на стр. 5).

966 г. Затѣмъ обложилъ вятичей данью, и, въ *967 г.*, пошелъ на Болгаръ [1]). Одолѣлъ ихъ, захватилъ по Дунаю нѣсколько городовъ, и сѣлъ княжить въ городѣ Переяславцѣ (См. карту на стр. 5).

Но пока Святославъ проживалъ въ далекомъ Переяславцѣ, въ *968 году*, напали печенѣги на русскую землю (ср. стр. 26). И вотъ княгиня Ольга затворилась въ Кіевѣ съ сыновьями Святослава—съ внуками своими—Ярополкомъ, Олегомъ, Владимиромъ.

Обступили печенѣги городъ большою силой, безчисленною ратью. Нельзя было никому изъ города выйти, подать вѣсть, просить о помощи. Люди изнемогали въ Кіевѣ отъ голода и жажды. Собралась было рать на другой сторонѣ Днѣпра [2]), да стоитъ на лѣвомъ берегу, и нельзя пробраться никому ни отъ нея къ Кіеву, ни изъ Кіева къ ней.

Затужили люди въ Кіевѣ, ищутъ—не найдется ли кого, кто бы добрался на лѣвый берегъ и сказалъ рати: «Коли завтра не подступите, передадимся печенѣгамъ».

1) Болгары жили въ то время по рѣкѣ Дунаю, на полночь (на сѣверъ) отъ имперіи греческой (ср. стр. 27).

2) Кіевъ расположенъ на правомъ берегу Днѣпра. Собрались подать помощь кіевлянамъ жители лѣваго берега.

— Я пройду—предложилъ одинъ отрокъ.

— Иди!—говорятъ ему.

Онъ вышелъ изъ города съ уздою и сталъ бѣгать между печенѣгами... Спрашиваетъ встрѣчныхъ:

— Не видалъ ли кто моего коня?

Онъ хорошо говорилъ по-печенѣжски, и печенѣги принимали его за своего. Подошелъ онъ такъ къ Днѣпру, сбросилъ платье и поплылъ. Увидали это печенѣги, бросились за нимъ, стали пускать въ него стрѣлы... Но съ лѣваго берега выѣхали ему навстрѣчу въ лодкахъ, подняли его на ладью, и благополучно привезли къ русскому войску.

— Если не подступите завтра, хотятъ кіевляне сдаться печенѣгамъ!—сказалъ онъ.

Воевода Прѣтичъ рѣшилъ:

— Надо подступить завтра въ ладьяхъ: Попадемъ въ Кіевъ—увеземъ княгиню и княжичей. Не удастся намъ это, погубитъ насъ Святославъ!

На другое утро, чуть свѣтъ, сѣли въ ладьи и громко затрубили въ трубы, а кіевляне изъ города отвѣчали шумными криками. Печенѣги подумали, что вернулся князь, и побѣжали. Вышла Ольга съ внуками и съ людьми къ ладьямъ.

Увидалъ это князь печенѣжскій и одинъ вернулся къ воеводѣ Прѣтичу.

— Кто это пришелъ?—спросилъ онъ.

— Люди съ лѣваго берега—отвѣчалъ Прѣтичъ.

— А ты—князь?

— Нѣтъ, я воевода его, пришелъ съ передовыми людьми; а князь идетъ за мною. Съ нимъ дружины счету нѣтъ!

Говорилъ такъ Прѣтичъ, чтобы устрашить печенѣговъ.

— Будемъ же друзьями!—предложилъ князь печенѣжскій.

— Согласенъ!—отвѣчалъ Прѣтичъ.

Въ знакъ мира, подали они руки другъ другу. Печенѣгъ подарилъ воеводѣ коня, саблю, стрѣлы, а воевода далъ ему броню, щитъ, мечъ.

Отступили печенѣги отъ города... однако стали неподалеку. Коня негдѣ было напоить кіевлянамъ!

*

Послали кіевляне къ Святославу сказать:

— Князь, ищешь ты чужихъ земель, блюдешь чужія земли, а свои покидаешь. Печенѣги чуть не захватили и Кіевъ, и мать твою, и дѣтей твоихъ. Печенѣги и опять придутъ, если не вернешься. Пожалѣй наслѣдіе отцовское, старуху мать и дѣтей своихъ!

Услыхалъ это Святославъ и, вмѣстѣ съ дружиной, поспѣшно пошелъ къ Кіеву.

Радостно обнялся князь съ матерью, съ дѣтьми. Больно было ему видѣть, какихъ бѣдъ надѣлали печенѣги. Собралъ онъ воиновъ, и прогналъ печенѣговъ. Тѣмъ водворился миръ.

*

Однако, уже въ слѣдующемъ же *969-мъ* году, сталъ Святославъ говорить матери и боярамъ:

— Не любо мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ, на Дунаѣ. Тамъ—середина земли моей, тамъ отовсюду сходятся богатства: отъ грековъ—золото, ткани, вина, плоды различные; изъ Руси—кожи, воскъ, медъ, невольники; отъ сосѣдей съ полуночи—кони и серебро.

— Видишь, какъ я больна — отвѣчала ему Ольга.—Куда хочешь итти отъ меня? Похорони меня, и тогда ступай, куда знаешь.

Она уже была совсѣмъ больна, когда говорила это, а черезъ три дня умерла. Много плакали по ней и сынъ, и внуки, и всѣ люди. Похоронилъ ее бывшій при ней священникъ по закону христіанскому. Тризны она по себѣ совершать не велѣла.

*

970 г. Посадилъ Святославъ старшаго сына, *Ярополка*, княжить въ Кіевѣ, второго же, *Олега*, княжить у древлянъ. Пришли къ нему и люди новгородскіе просить князя себѣ.

— Если не пришлешь къ намъ князя, будемъ искать себѣ князя въ другомъ мѣстѣ—говорили они.

— Хорошо, если кто пойдетъ къ вамъ!—сказалъ Святославъ.

Ярополкъ и Олегъ, дѣйствительно, отказались итти на княженіе въ Новгородъ.

— Просите себѣ Владимира!—шепнулъ новгородцамъ Добрыня.

Владимиръ былъ прижитъ Святославомъ съ ключницей Ольгиной — Малушей. Добрыня былъ братъ Малуши, значитъ—дядя Владимировъ.

Стали говорить новгородцы Святославу:

— Дай намъ Владимира.

— Вотъ онъ!—согласился Святославъ.

И взяли новгородцы Владимира къ себѣ. Поѣхалъ съ Владимиромъ и Добрыня.

Святославъ же пошелъ къ Переяславцу.

*

971 г. Однако, въ Переяславецъ болгары его не пустили. Они затворились въ городѣ, а когда Святославъ подошелъ, вышли ему на встрѣчу съ оружіемъ. Завязалась великая сѣча...

Уже одолѣвали болгары, но Святославъ обратился къ воинамъ своимъ:

— Пасть, такъ падемъ; но падемъ съ твердостью, съ мужествомъ, братья-дружина!

И накинулись русскіе на болгаръ съ новою яростью... Къ вечеру одолѣлъ Святославъ и взялъ городъ.

*

Потомъ послалъ къ грекамъ сказать: «Иду на васъ, хочу и ваши города взять, какъ взялъ Переяславецъ».

— Не въ силахъ мы стоять противъ тебя! — отвѣчали греки. — Возьми съ насъ дань на себя и на дружину. Скажи: сколько людей съ тобою, чтобы мы знали на сколько головъ припасти дани.

Спрашивали это греки съ хитрымъ умысломъ... Греки и теперь—народъ хитрый.

— Насъ двадцать тысячъ человѣкъ—отвѣчалъ Святославъ.

Прибавилъ онъ вдвое (чтобы получить больше дани). Русскихъ было съ нимъ только десять тысячъ.

Греки дани не дали, а привели стотысячное войско. Увидали русскіе это множество воиновъ и убоялись было. Но Святославъ сказалъ:

— Дѣться намъ некуда, дѣти! Волей-неволей надо биться. Не посрамимъ земли русской, ляжемъ костьми! Мертвые не знаютъ стыда; а побѣжимъ—стыдно намъ будетъ. Потому не побѣжимъ, а станемъ крѣпко. Я пойду впереди. Когда сложу голову, дѣлайте что знаете.

— Гдѣ ты свою голову сложишь, тамъ и наши лягутъ!—отвѣчали ему воины.

Исполчились русскіе. Сѣча была великая. Святославъ одолѣлъ, греки бѣжали. И двинулся Святославъ на города греческіе, захватывая, опустошая ихъ.

*

Созвалъ царь греческій вельможъ своихъ на совѣтъ:

— Его не одолѣть!.. Что же намъ дѣлать? — спрашивалъ онъ.

— Пошли къ нему дары. Посмотримъ, не польстится ли онъ на золото, на ткани?

Послали къ Святославу мужа мудраго съ золотомъ и тканями, и приказываютъ:

— Гляди ему въ очи, въ лицо. Старайся разгадать мысли его.

Взялъ посолъ дары, пришелъ къ Святославу. Доложили князю, что явились греки съ поклономъ.

— Введите ихъ сюда—приказалъ Святославъ.

Вошли греки, поклонились ему, положили передъ нимъ золото, ткани... А Святославъ и не глядитъ.

— Уберите!—говоритъ онъ отрокамъ своимъ.

Возвратились посланные къ царю. Опять созвалъ царь вельможъ. И вотъ передъ всѣми разсказываетъ посолъ:

— Пришли мы къ нему, отдали дары, а онъ и не взглянулъ на нихъ, велѣлъ убрать.

— Попробуемъ еще послать оружіе! — предложилъ одинъ изъ совѣтниковъ.

Послушались его, послали Святославу мечъ и всякаго оружія... И какъ только принесли ему эти подарки, онъ принялъ ихъ, сталъ любоваться ими, хвалить ихъ и благодарить царя.

Опять вернулись посланные къ царю, разсказали что видѣли.

— Лютъ этотъ человѣкъ, коли на золото не глядитъ, а за оружіе хватается! — замѣтили вельможи.—Заплатимъ ему дань.

Послалъ царь дань Святославу и велѣлъ сказать:

— Возьми дани сколько хочешь; не иди на Царьградъ.

А Святославъ уже совсѣмъ было подошелъ къ Царьграду.

Дали ему дань... Онъ взялъ дани и на живыхъ, и на убитыхъ.

— Самъ убитъ, семьѣ его пригодится! — говорилъ князь.

Такъ возвратился Святославъ въ Переяславецъ съ богатою добычей, съ большою славой.

*

Но много легло у него народу за дальній походъ. Увидалъ онъ—какъ мало осталось дружины, и подумалъ:

— Пожалуй замѣтятъ греки какъ насъ мало, перебьютъ дружинниковъ и меня убьютъ! — Пойду въ русскую землю, приведу дружину побольше.

И послалъ къ царю греческому сказать:

— Хочу жить съ греками въ прочномъ мирѣ и въ любви.

Царь, кстати, былъ въ ближнемъ греческомъ городѣ Доростолѣ [1]). Услыхалъ онъ о предложеніи Святослава, обрадовался, и послалъ князю еще болѣе даровъ.

Принялъ дары Святославъ, созвалъ дружинниковъ и держалъ имъ такую рѣчь:

— Если не примиримся съ греками, да узнаютъ они какъ насъ мало, обступятъ они насъ въ Переяславцѣ. Русская земля далеко, кто намъ помо-

---

[1]) Нынѣшняя *Силистрія*—крѣпость на Дунаѣ (см. карту стр. 5).

жетъ? Помиримся съ царемъ. Онъ взялся платить намъ дань, и довольно съ насъ. Если не станетъ платить дани, соберемъ на Руси воиновъ побольше и пойдемъ опять на Царьградъ.

Понравилась эта рѣчь дружинѣ и послали русскіе къ царю греческому лучшихъ мужей. Пришли къ нему въ Доростолъ. Доложили царю объ ихъ прибытіи. Призвалъ ихъ царь на другое утро къ себѣ.

— Пусть говорятъ послы русскіе — зачѣмъ пришли?—молвилъ онъ.

— Прислалъ нашъ князь сказать, что хочетъ на будущее время жить въ совершенной любви съ царемъ греческимъ— объявили послы.

Обрадовался царь и приказалъ писцу записать рѣчи Святослава на хартію. Русскій посолъ сталъ говорить, что повелѣлъ ему Святославъ, а писецъ записалъ:

«Я, Святославъ, князь русскій, хочу имѣть до конца вѣка миръ и любовь совершенную съ великимъ царемъ греческимъ и со всѣми людьми его. Обѣщаю именемъ всѣхъ сущихъ подъ рукою моею россіянъ—бояръ и прочихъ людей—никогда не замышлять ничего противъ грековъ, не собирать моего войска и не приводить чужого войска ни на Грецію, ни на Болгарію. Если даже иные враги замыслятъ что-либо противъ грековъ, да буду ихъ врагомъ. Если же я или люди мои не сохранятъ этихъ обѣщаній, да покараютъ насъ боги, въ которыхъ вѣруемъ: Перунъ и Волосъ — покровитель стадъ! Да станемъ

желты, какъ золото, да будемъ изсѣченны собственнымъ оружіемъ! Въ удостовѣреніе чего написали мы договоръ сей на хартіи и собственныя печати приложили».

*

Помирился такимъ образомъ Святославъ съ греками и пошелъ въ лодкахъ къ Днѣпру. Подошли къ порогамъ днѣпровскимъ. Говоритъ князю воевода отца его, Игоря,—Свѣнельдъ:

— Князь, обойди пороги сухимъ путемъ: на порогахъ стоятъ печенѣги!

Но Святославъ не послушался стараго воеводу, поплылъ дальше вверхъ по Днѣпру въ ладьяхъ. А переяславцы послали сказать печенѣгамъ:

— Святославъ идетъ въ Русь съ большимъ богатствомъ, добытымъ отъ грековъ; и плѣнныхъ у него счету нѣтъ, а дружины съ нимъ мало!

Услыхали это печенѣги и заняли пороги. Пришелъ Святославъ къ порогамъ... видитъ — пройти ими нельзя, и остановился на зимовку при устьѣ Днѣпра. Тутъ намаялись русскіе не мало: ѣсть было нечего, терпѣли голодъ. Наконецъ наступила весна *972 го года* и Святославъ двинулся дальше. Въ порогахъ, однако, напали на него печенѣги и убили, а изъ черепа его сдѣлали чашу, и пили изъ нея.

Остатки дружины привелъ въ Кіевъ къ Ярополку Свѣнельдъ.

Святославъ княжилъ 28 лѣтъ.

VIII.

Разсказъ о походѣ Святослава по греческимъ записямъ.

Такъ разсказанъ походъ Святослава въ Болгарію и Грецію у Нестора. Разсказалъ лѣтописецъ опять, конечно, что дошло до него по народнымъ сказаніямъ. А, по записямъ грековъ, дѣло было не такъ. И записямъ этимъ приходится вѣрить больше, чѣмъ преданіямъ, записаннымъ Несторомъ. Несторъ говоритъ о чрезвычайныхъ удачахъ Святослава, а потомъ приходится ему сознаться, что храбрый князь долженъ былъ бросить свои завоеванія и возвратиться на Русь съ мелкими остатками дружины...

Такъ побѣдители не возвращаются.

*

Вотъ разсказы грековъ [1]):

Императоръ греческій недоволенъ былъ болгарами и послалъ къ русскому князю посла пригласить его, чтобы шелъ воевать Болгарію. Императоръ даже далъ при этомъ русскимъ нѣсколько пудовъ золота на вооруженіе. Святославъ съ шестью десятью тысячами воиновъ явился на Дунаѣ и захватилъ Болгарію. Царь болгарскій умеръ съ горя. И сталъ жить Святославъ въ Переяславцѣ.

---

[1]) Передаемъ ихъ, какъ они собраны нашимъ писателемъ—*Николаемъ Михаиловичемъ Карамзинымъ* (род. 1766 г., ум. 1826 г.) въ его „Исторіи государства россійскаго".

Отсюда возвратился онъ въ Кіевъ только, когда узналъ, что и мать, и дѣти его, и самый Кіевъ едва не попали въ руки печенѣговъ (см. стр. 43). Отогналъ онъ враговъ, побылъ еще на родинѣ до кончины матери своей, а затѣмъ посадилъ сыновей на княженіе въ русской землѣ, и опять отправился въ Болгарію (см. стр. 46).

Болгары встрѣтили князя враждебно, однако, онъ смирилъ ихъ и сѣлъ опять въ Переяславцѣ (стр. 47).

Спохватились греки—поняли, что напрасно призывали его. Непріятно было имъ сосѣдство болгаръ, а сосѣдство князя русскаго оказалось опаснымъ.

Императоръ Іоаннъ Цимисхій напомнилъ Святославу, что призывали его только наказать болгаръ, что дѣло свое онъ сдѣлалъ, что теперь пора бы ему возвратиться во-свояси. Святославъ въ отвѣтъ велѣлъ сказать Цимисхію, что «скоро придетъ въ самый Царьградъ и прогонитъ грековъ въ Азію».

Онъ, дѣйствительно, вторгся въ землю греческую, зашелъ далеко... но затѣмъ потерпѣлъ пораженіе отъ воеводъ греческихъ.

*

На слѣдующій же годъ противъ Святослава выступилъ самъ Цимисхій. Это былъ воинъ очень искусный. Онъ вскорѣ появился на самомъ Дунаѣ. На пути встрѣтили его послы россійскіе. Они хотѣли узнать—велика ли сила у грековъ? Іоаннъ велѣлъ показать имъ станъ греческій и затѣмъ от-

пустилъ къ князю. Онъ думалъ запугать Святослава видомъ многочисленныхъ, великолѣпныхъ полчищъ своихъ.

Вскорѣ Цимисхій съ передовыми, лучшими войсками греческими подошелъ къ Переяславцу. Самого князя въ Переяславцѣ не было. Онъ стоялъ дальше на Дунаѣ, въ укрѣпленномъ станѣ съ главными войсками своими.

Однако русскіе, оставленные въ Переяславцѣ, бились очень храбро. Когда уже самый городъ былъ взятъ греками, 8000 русскихъ заперлись во дворцѣ, не хотѣли сдаться, и мужественно отражали нападенія непріятеля. Цимисхій велѣлъ зажечь дворецъ, и храбрецы погибли въ пламени.

Святославъ поспѣшилъ на встрѣчу Цимисхію. Встрѣтились они недалеко отъ города Доростола (нынѣ Силистрія). Произошла страшная битва. Двѣнадцать разъ боевое счастье мѣнялось — то одолѣвали русскіе, то одолѣвали греки!.. Наконецъ, Святославъ отступилъ къ Доростолу и заперся въ этомъ городѣ.

Цимисхій осадилъ Доростолъ. Святославъ защищался отчаянно: окопалъ стѣны глубокимъ рвомъ, тревожилъ грековъ безпрестанными вылазками.

«Русскіе» — пишутъ греки — «думали, что убитый непріятелемъ долженъ служить ему рабомъ на томъ свѣтѣ, потому сами вонзали себѣ мечи въ грудь, когда не могли спастись. Они надѣялись самоубійствомъ избавить себя по крайней мѣрѣ отъ вѣчной

неволи за гробомъ. Самыя женщины русскія бились съ ожесточеніемъ на ряду съ мужьями своими. Нерѣдко, встрѣтивъ при вылазкахъ врага слишкомъ сильнаго, русскіе отступали, но не бѣжали: они шли обратно въ крѣпость медленно, закинувъ за плечи огромные щиты. Ночью, при свѣтѣ луны, выходили они жечь тѣла близкихъ, падшихъ въ битвѣ»...

Но храбрыхъ защитниковъ Доростола становилось все меньше и меньше. Кромѣ того греки, окруживъ городъ, не пропускали къ нему провіанта, и осажденные вскорѣ стали страдать отъ голода.

Какъ-то, улучивъ темную, бурную ночь, когда лилъ сильный дождь съ градомъ, Святославъ сѣлъ съ двумя тысячами воиновъ на лодки, обошелъ греческіе корабли, которые стерегли городъ съ Дуная, и собралъ въ окрестныхъ деревняхъ запасъ пшена и хлѣба. На возвратномъ пути, видя разсѣянныя по берегамъ толпы непріятелей, отважные воины Святославовы вышли изъ лодокъ, подкрались къ грекамъ черезъ прибрежный лѣсъ, напали на нихъ, многихъ перебили и вернулись въ городъ благополучно.

Но эта удача была послѣднею. Императоръ принялъ мѣры, чтобы впредь ни одна лодка не могла выплыть изъ Доростола.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ длилась осада. Къ грекамъ то и дѣло подходили свѣжія войска; имъ подвозили провіантъ въ изобиліи; русскимъ же ждать помощи было не-откуда! Русь была далеко... да тамъ, вѣроятно, и не знали о бѣдствіяхъ князя.

Святославъ собралъ дружину на совѣтъ. Одни предлагали попытаться—бѣжать въ ночное время; другіе—просить мира...

Но князь рѣшилъ еще разъ попытать счастья:

— Погибнетъ слава наша, если устрашимся смерти!—сказалъ онъ.—Пріятна-ли жизнь для тѣхъ, которые спасли ее бѣгствомъ? Не станутъ-ли презирать насъ народы, для которыхъ до сихъ поръ самое имя русскихъ было страшно?.. Или побѣдимъ, или падемъ съ честью!

На другое утро все воинство русское съ бодрымъ духомъ выступило на рѣшительный бой. Князь приказалъ запереть ворота Доростола, чтобы никто не могъ и думать ни о бѣгствѣ, ни о возвращеніи за городскія стѣны. Сраженіе началось утромъ. Въ полдень греки, утомленные зноемъ, жаждою, упорствомъ непріятеля—стали отступать. Цимисхій долженъ былъ дать имъ время на отдыхъ. Потомъ битва возобновилась.

Императоръ замѣтилъ, что тѣсныя мѣста вокругъ Доростола удобны для русскихъ и велѣлъ было полководцамъ своимъ выманить ихъ на просторъ. Однако, хитрость эта не удалась.

Наступила ночь... и развела войска. Цимисхій удивлялся отчаянному мужеству непріятелей.

На другой день возобновилась битва еще болѣе упорная.

Греки всего болѣе желали смерти Святослава. Одинъ витязь греческій прорвался было до князя

и сильнымъ ударомъ въ голову сшибъ его съ коня... но шлемъ защитилъ Святослава, а смѣлый грекъ палъ отъ мечей дружины княжеской.

Долгое время побѣда казалась сомнительною.

Наконецъ, самая природа ополчилась на Святослава. Поднялся страшный вѣтеръ съ полудня. Онъ дулъ прямо въ лицо русскимъ, ослѣпилъ ихъ густыми облаками пыли... Имъ пришлось прекратить битву, оставивъ на мѣстѣ болѣе пятнадцати тысячъ мертвыхъ.

*

Видя малое число оставшихся воиновъ своихъ самъ раненый, Святославъ, наконецъ, рѣшился предложить миръ.

Цимисхій согласился. Мы видѣли, какъ Святославъ поклялся соблюдать вѣчный миръ съ греками (стр. 51).

Утвердивъ миръ, императоръ снабдилъ русскихъ съѣстными припасами.

*

Святославъ пожелалъ видѣться съ Цимисхіемъ.

Соперники никогда не видали другъ друга. Они рѣшили съѣхаться на берегу Дуная.

Императоръ прибылъ на свиданіе на конѣ, въ блестящихъ латахъ, окруженный златоносными всадниками. Святославъ приплылъ въ лодкѣ одинъ, въ простой бѣлой одеждѣ, самъ гребя весломъ.

Греки смотрѣли на него съ удивленіемъ. По ихъ сказанію — онъ былъ средняго роста и довольно

строенъ, но мраченъ и дикъ видомъ; имѣлъ грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густые, носъ плоскій, длинные усы, бороду рѣдкую и на головѣ одинъ клокъ волосъ (чубъ) «въ знакъ его благородства». Въ ухѣ у него висѣла серьга, украшенная двумя жемчужинами и драгоцѣннымъ камнемъ цвѣта малины (рубиномъ).

Императоръ сошелъ съ коня. Святославъ сидѣлъ на скамьѣ, въ лодкѣ.

Поговорили императоръ съ княземъ и разстались...

Святославъ съ остатками дружины по Дунаю, по Черному морю, поплылъ къ Днѣпру... гдѣ ждала его погибель отъ печенѣговъ (стр. 52)!

IX.

Сыновья Святослава.

Мы уже знаемъ, что у Святослава осталось три сына: *Ярополкъ, Олегъ, Владимиръ*. Уходя въ Болгарію, отецъ поставилъ старшаго княземъ въ Кіевѣ, второго — княземъ древлянскимъ, третьяго отправилъ на княженіе въ Новгородъ.

973—975 г. Сынъ Свѣнельда [1]), Лютъ, выѣхалъ изъ Кіева на охоту. Гнался онъ за звѣремъ и заѣхалъ въ лѣса Олеговы (въ землю древлянскую). Встрѣтилъ его Олегъ, спрашиваетъ:

— Кто это?

---

[1]) О Свѣнельдѣ см. стр. 30, 31, 35, 52.

— Свѣнельдичъ, Лютъ—отвѣчаютъ ему.

Олегъ убилъ Люта. Это несчастное убійство вызвало вражду между Ярополкомъ и Олегомъ. Свѣнельдъ искалъ мести за сына и не переставалъ уговаривать Ярополка: «Поди на брата, отыми у него землю его»!

976—977 г. Пошелъ Ярополкъ на Олега, брата своего, въ землю древлянскую. Вышелъ ему на встрѣчу Олегъ. Сшиблись полчища ихъ. Ярополкъ побѣдилъ Олега. Побѣжалъ Олегъ съ людьми своими къ городу Овручу. Передъ городскими воротами былъ ровъ, черезъ ровъ перекинутъ былъ мостъ. Стѣснились люди Олеговы на мосту и, въ давкѣ, спихнули князя съ моста. На него упало еще множество людей и коней. Такъ и раздавили его.

Вошелъ Ярополкъ въ Овручъ, завладѣлъ имъ и послалъ искать брата. Искали его и не нашли.

— Я видѣлъ, какъ вчера спихнули его съ моста—сказалъ какой-то древлянинъ.

Послалъ Ярополкъ искать брата. Вытаскивали трупы изъ рва съ утра до полудня... Нашли, наконецъ, Олега въ самомъ низу, вынесли и положили на коврѣ.

Пришелъ Ярополкъ, плакалъ надъ братомъ...

— Гляди!.. Того ли ты хотѣлъ?—сказалъ онъ Свѣнельду.

Похоронили Олега близъ Овруча. Ярополкъ принялъ власть его.

Услыхалъ Владиміръ въ Новгородѣ, что Яро-

полкъ сгубилъ Олега и захватилъ землю его; побоялся и за себя, потому бѣжалъ за море—къ варягамъ. Ярополкъ посадилъ своихъ посадниковъ въ Новгородъ. И сталъ такимъ образомъ одинъ княжить на Руси, какъ княжили и отецъ, и дѣдъ его.

Однако черезъ нѣсколько лѣтъ, около *978—980 г.* Владиміръ возвратился въ Новгородъ съ варягами и сказалъ ставленникамъ Ярополка:

— Идите къ брату, скажите ему: «Владиміръ идетъ на тебя, готовься къ бою!»

*

Сѣлъ Владиміръ въ Новгородъ и послалъословъ въ Полоцкъ-городъ къ князю Рогвольду... У Рогвольда была дочь—красавица Рогнѣда.

— Хочу взять ее себѣ въ жены—велѣлъ сказать Владиміръ Рогвольду.

Этотъ Рогвольдъ былъ варягъ. Пришелъ онъ изъ-за моря и сѣлъ княжить въ Полоцкѣ. Спросилъ онъ у дочери:

— Хочешь-ли за Владиміра?

— Не хочу разуть сына рабыни [1]), хочу за Ярополка—отвѣчала Рогнѣда.

Она какъ разъ была просватана за Ярополка. Ярополкъ, правда, былъ уже женатъ на красавицѣ-гречанкѣ, которую отецъ его, Святославъ, привезъ

---

[1]) *„Не хочу разуть сына рабыни“*... По старинному обычаю въ первый вечеръ замужества молодая жена разувала мужа. *„Сына рабыни“*... Рогнѣда напомнила, что Владиміръ родился отъ рабыни—ключницы Малуши (см. стр. 47).

изъ земли греческой, но у князей-язычниковъ могло быть и по нѣскольку женъ.

Доложили Владимиру о рѣчахъ Рогнѣды. Владиміръ же собралъ войско: варяговъ, новгородцевъ, кривичей, чудь... и пошелъ на Рогвольда. Рогвольда и двухъ сыновей его онъ убилъ, а дочь взялъ за себя. Потомъ двинулся на Ярополка.

*

Подошелъ Владиміръ къ Кіеву. Ярополкъ не рѣшился выступить противъ множества воиновъ его въ открытое поле, и заперся въ Кіевѣ съ людьми своими и съ воеводою Блудомъ.

Владиміръ подослалъ посла къ Блуду сказать:

— Помоги мнѣ. Убью брата, и будешь ты мнѣ, что отецъ; осыплю тебя почестями. Не я началъ братоубійство [1]), а онъ. И пришелъ я на него потому, что испугался замысловъ его.

Блудъ отвѣчалъ посламъ:

— Буду Владиміру пріятелемъ.

Затворился Блудъ съ Ярополкомъ, льстилъ ему, а самъ часто посылалъ къ Владиміру, наказывалъ, чтобы онъ приступалъ къ городу. Искалъ онъ даже случая убить Ярополка, да опасался горожанъ. Тогда сталъ онъ давать Ярополку коварные совѣты:

— Кіевляне сносятся съ Владиміромъ—облыжно говорилъ онъ князю.—Зовутъ его, чтобы приступилъ къ городу, обѣщаютъ выдать тебя. Бѣги изъ Кіева.

---

[1]) Владиміръ, конечно, напоминалъ смерть Олегову.

И послушался его Ярополкъ, убѣжалъ въ городъ Родню.

Владимиръ занялъ Кіевъ, а потомъ осадилъ брата въ Роднѣ: не пускалъ никого ни въ городъ, ни изъ города. Открылся въ Роднѣ страшный голодъ. Долго жила даже о томъ поговорка на Руси. Когда хотѣли сказать, что приходится плохо, говорили: «Приспѣла бѣда, *что въ Роднѣ*».

— Видишь, сколько воиновъ у брата — говоритъ князю Блудъ.—Не побороть намъ его. Мирись съ нимъ.

— Будь по твоему—рѣшилъ, наконецъ, Ярополкъ.

И послалъ Блудъ къ Владимиру сказать:

— Сбывается по намѣренію твоему. Приведу тебѣ Ярополка; распорядись, чтобы убили его.

Услыхалъ это Владимиръ, пошелъ въ теремъ свой, и сѣлъ тамъ съ воинами и съ дружиною.

А тѣмъ временемъ говоритъ Блудъ Ярополку:

— Поди къ брату, скажи ему: «Что бы ты, братъ, ни уступилъ мнѣ изъ наслѣдія отцовскаго, всѣмъ удовольствуюсь».

Одинъ изъ ближнихъ людей князя, Варяжко, предупреждалъ его:

— Не ходи, князь! Убьютъ тебя. Бѣги къ печенѣгамъ, собери у нихъ войско.

Однако, не послушалъ его князь, пошелъ къ Владимиру... Но не успѣлъ войти въ дверь, какъ два варяга пронзили его мечами. А Блудъ еще

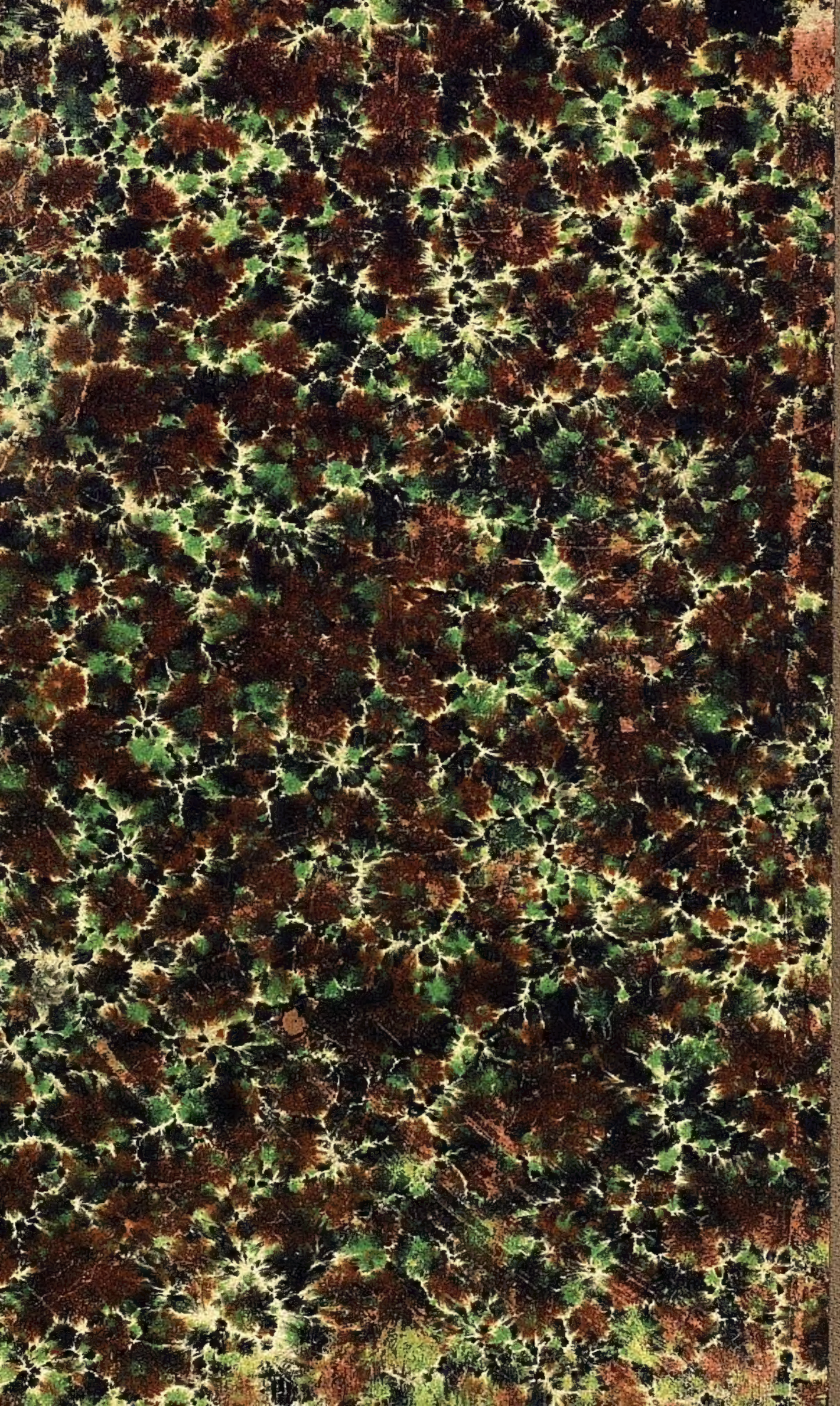
заперъ дверь, чтобы люди Ярополка не ворвались вслѣдъ за княземъ своимъ.

Такъ убитъ былъ Ярополкъ. Варяжко убѣжалъ къ печенѣгамъ.

Владимиръ сталъ единодержавнымъ княземъ всей земли русской.

О княженіи князя Владимира издана нами отдѣльная книжка «*Св. Владимиръ и крещеніе Руси*».

Междубиблиотечный аб...
...ковской обл. библиотеки

Дозволено цензурою. СПБ., 9 Февраля 1904 года.

Типографія Альтшулера. Эртелевъ пер., 17—9.